

Фотограф
Сергей Михайлович

Прокудин-Горский

Российская
империя
в цвете

Места России

Андрей Кокорев

**Российская империя в цвете.
Места России. Фотограф Сергей
Михайлович Прокудин-Горский**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 908(470)
ББК 26.89(2)

Кокорев А.

Российская империя в цвете. Места России. Фотограф Сергей Михайлович Прокудин-Горский / А. Кокорев — «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-114830-0

Когда речь заходит о дореволюционной России, мы неизменно представляем ее в черно-белых тонах, так как основная часть фото – и кинохроники той поры были лишены цветопередачи. Но именно тогда жил и творил человек, посвятивший себя и свой талант грандиозной цели – запечатлеть «в натуральных красках» всю красоту и богатство великой страны под названием Российская империя. Его богатейшее наследие – первая в мире коллекция цветных фотографий России начала XX века, представляющая собой уникальный объект культурного достояния всего человечества. Создатель этой бесценной сокровищницы – русский изобретатель, фотограф, издатель, общественный деятель и педагог Сергей Михайлович Прокудин-Горский. В книге представлены как известные, так и довольно редкие снимки фотографа, которые он делал путешествуя по Центральной России, Мариинскому водному пути, Средней Азии, Уралу и Сибири, Кавказу, а также по местам боевой славы 1812 года.

УДК 908(470)
ББК 26.89(2)

ISBN 978-5-17-114830-0

© Кокорев А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Введение	7
Глава первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Российская империя в цвете. Места России

Фотограф Сергей Михайлович Прокудин-Горский

Автор текста – Андрей Кокорев

Фотографии на обложке:

Общий вид северной части с колокольни Успенского собора. Смоленск. 1912 г.

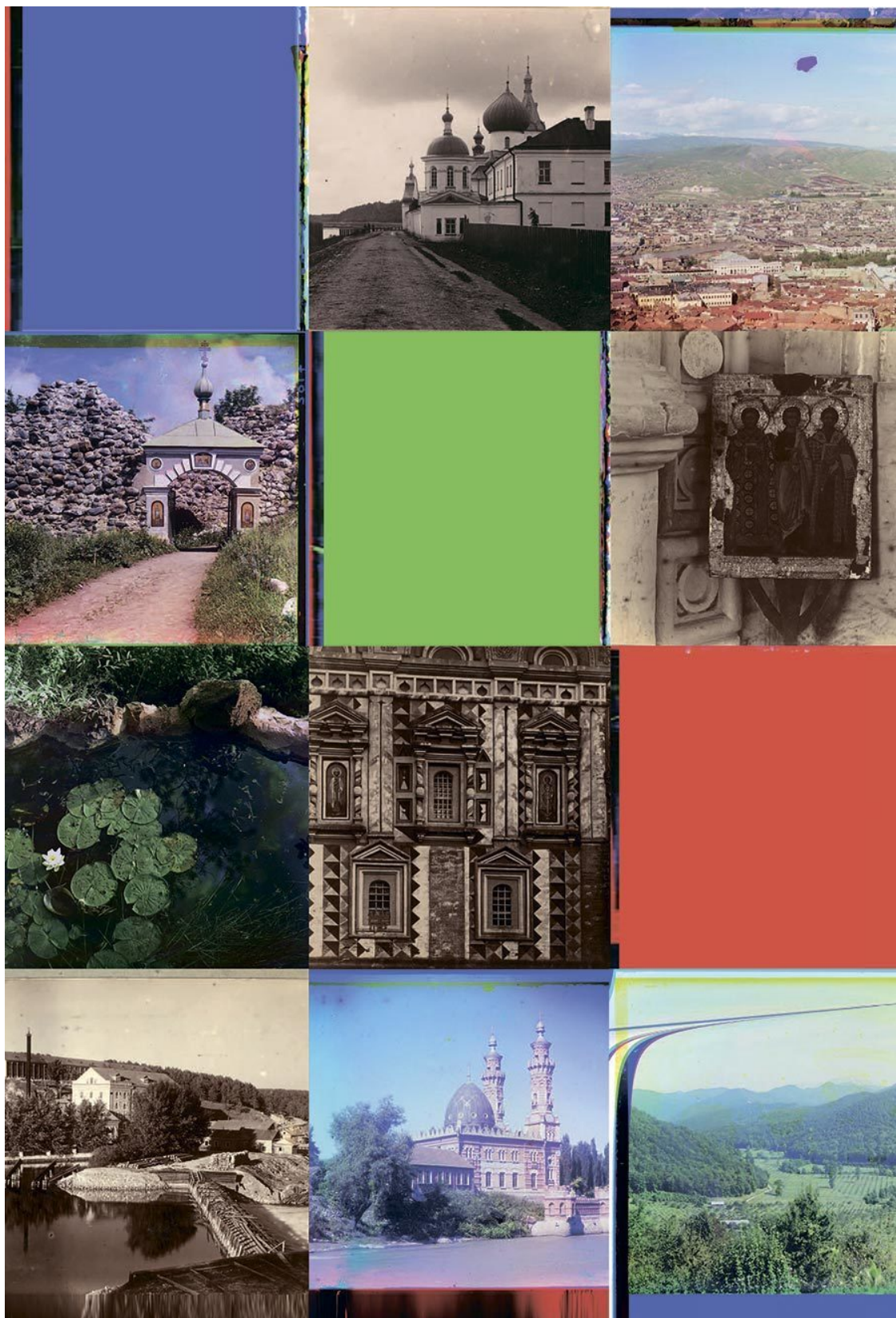
Наблюдение солнечного затмения близ станции Черняево в горах Тянь-Шаня над Салюк-тинскими копиями. 1 января 1907 г.

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Введение

Сергей Михайлович Прокудин-Горский, с точки зрения прагматиков, как века минувшего, так и нынешнего, был, мягко говоря, человеком странным. Окончив привилегирован-

ный Александровский (Царскосельский) лицей, он мог достичь высоких чинов и должностей. Добросовестное изучение химии в Санкт-Петербургском университете позволяло ему сосредоточиться на изобретательстве в области фото- и кинотехники, что в те годы гарантировало коммерческий успех.

В конце концов, профессиональное занятие цветной фотографией, чему Прокудин-Горский посвятил всю свою жизнь, могло бы сделать его очень богатым человеком. На съемках одних парадных портретов сановных лиц, купцов и промышленников он мог бы сколотить целое состояние. Это не говоря уже о таких высокодоходных занятиях, как реклама или полиграфическое производство.

Однако С. М. Прокудин-Горский поставил перед собой совсем иную задачу: посредством цветной фотографии запечатлеть облик современной ему России – исторические места, памятники архитектуры, типы жителей и, наконец, живописные виды. Следующим этапом должна была стать широкая демонстрация полученного изобразительного материала по всей стране.

«Цель моей работы, – пояснял Сергей Михайлович, выступая в 1912 году на Всероссийском съезде художников, – дать возможность наглядным обучением школе и народу ознакомиться со своим государством, – знать его промышленность, кустарную и в широком смысле, – народности и т. д. Понятно, знание своей родины – это первая задача каждого живущего в государстве человека».

В качестве своеобразного реверанса в адрес весьма специфической аудитории Прокудин-Горский сделал оговорку:

«Я не претендую на звание художника, я человек науки. <...> Я езжу по всей России и делаю снимки, руководствуясь указаниями и этнографов, и художников, и главным образом местных людей, которые знают свое место больше, чем кто-либо; я воспроизвожу все древнее, все интересное в том или ином отношении. Работа длится 7–8 месяцев в году подряд».

Технологию его метода цветной съемки описала в доступной форме биограф и внучка Сергея Михайловича – Наталья Андреевна Нарышкина-Прокудина-Горская в своей книге «Человек, который шел быстро»:

«Принцип цветной фотографии, разработанный Сергеем Михайловичем, состоял в следующем: на одном продолговатом стеклянном черно-белом негативе, чувствительном ко всем цветам спектра, изготовленном по его собственному патенту, он делал своей камерой три одинаковых снимка с одного и того же объекта.

Затем каждый из трех черно-белых снимков пропускал через три дополнительных светофильтра. Прибор его изобретения проектировал синие, красные и желтые изображения в „совершенном совмещении“ всех деталей.

По сравнению с немецким ученым Адольфом Мите метод С. М. Прокудина-Горского отличался в десятки раз меньшей выдержкой, большей светочувствительностью пластины, а также ее чувствительностью ко всем цветам спектра.

С негативов он делал стеклянные черно-белые диапозитивы, которые проектировал на экран, также пропуская их через светофильтры».

Поставленную перед собой задачу Прокудин-Горский поначалу попытался осуществить, опираясь лишь на собственные силы. В 1905 году он заключил договор с Комитетом Красного Креста на фотографирование видов России с целью выпуска на их основе серии цветных открыток. Полученного аванса хватило, чтобы произвести съемки в Крыму, Малороссии и на Кавказе, но из-за начавшейся революции чиновники Красного Креста отказались от полной оплаты проделанной работы.

Положение изменилось коренным образом, когда работами Сергея Михайловича заинтересовалась царская семья. Согласно семейной хронике, приведенной в книге «Человек, который шел быстро», демонстрация цветных диапозитивов состоялась в Царском Селе зимой 1909 года и была более чем успешной:

«Царь пожал ему руку еще раз и вновь напомнил, чтобы он обратился к Министру транспорта».

В полночь, после отъезда Царской семьи, Сергея Михайловича окружили Члены Императорского Двора, чтобы его поздравить».

С этого момента Прокудин-Горский из энтузиаста-одиночки превратился в особу, выполняющую личное распоряжение императора. Министр путей сообщения С. В. Рухлов, ставший его куратором, выделил фотографу персональный пульмановский вагон, в котором была оборудована походная лаборатория. Для передвижения по рекам МПС предоставляло в распоряжение Прокудина-Горского пароходы.

Официальный статус, подкрепленный соответствующими документами, также позволял Сергею Михайловичу производить съемку без дополнительных согласований с местными властями. Наш современник, привыкший пускать в ход фотоаппарат своего гаджета в любом месте, может не поверить, но это факт: по законам Российской империи фото- и киносъемка на улицах городов можно было производить, только получив особое разрешение от местных властей, а монастырей и храмов – «благословение» от церковных иерархов. Воспоминания о том, как сильно это ограничивало работу фотографа, отразились в семейной хронике Прокудиных-Горских:

«Царь и его чиновники контролировали территории России, которые были закрыты даже для российских граждан».

Из-за того что фотографирование было официально запрещено во многих местах, большая часть того, что Сергей Михайлович намеревался снять, „была за пределами“<...>

И что особенно ему досаждало: это слежка, проводимая филерами полиции, которые своим долгом считали усиливать свои ограничения».

Распоряжением императора все препоны были сняты, и в жизни С. М. Прокудина-Горского начался период плодотворной работы. Он занимался тем, к чему стремился всей душой, приближая каждым новым снимком реализацию своей мечты.

Однако в России недаром появилась поговорка «Жалует царь, да не жалует псарь». Не решившись обговорить с императором финансовый вопрос, Сергей Михайлович так и остался его заложником, хотя объем проделанной им работы поражает – и количеством фотографий, и протяженностью поездок по стране ради этих снимков. В литературе, посвященной его творчеству, упоминается, что в 1913 году у него было уже 3350 негативов, 1000 позитивов для проекции (!), но все переговоры о выкупе коллекции в собственность государства не имели успеха. По всей видимости, из-за того, что все его личные средства были исчерпаны, ему в конечном итоге пришлось остановить съемки.

Правда, очень скоро это оказалось неважным – началась Первая мировая война. Вагон отобрали под военные нужды, сам фотограф занялся съемками военных объектов, цензурой иностранных фильмов, обучением летчиков аэрофотосъемке.

Последняя попытка Прокудина-Горского познакомить широкие народные массы с цветными видами России провалилась. Организованное им акционерное общество «Биохром» в 1916 году выпустило серию диапозитивов, но из-за бедствий, связанных с войной, спросом они не пользовались.

А весной 1917 года для Сергея Михайловича прозвучал «первый звонок»: тот самый народ, который он хотел просветить, демонстрируя виды памятников, начал эти самые памятники разрушать. Сначала стихийно – мол, нечего тут стоять изображениям представителей павшей династии и их прислужников. Затем, с приходом к власти большевиков, избавление от художественного наследия царской власти стало государственной программой.

Летом 1918 года С. М. Прокудин-Горский покинул Россию, увозя с собой бесценную коллекцию снимков (к сожалению, часть ее по пути была утеряна). После его смерти в 1944

году в Париже наследники продали собрание Библиотеке Конгресса США. В 2001 году снимки были оцифрованы и выложены в Интернете для общего доступа.

В личном архиве Прокудина-Горского сохранилась его собственноручная записка, которая была опубликована в книге «Достопримечательности России в натуральных цветах: весь Прокудин-Горский». В ней фотограф отметил то, что он успел сделать всего лишь за четыре года труда на благо страны:

«ОБСЛУЖЕНЫ:

1. Мариинский водный путь;
2. Туркестан;
3. Бухара (старая);
4. Урал в отношении промыслов;
5. Вся река Чусовая от истока;
6. Волга от истока до Нижнего Новгорода;
7. Памятники, связанные с 300-летием дома Романовых;
8. Кавказ и Дагестанская область;
9. Муганская степь;
10. Местности, связанные с воспоминаниями о 1812 годе (Отечественная война);
11. Мурманский железнодорожный путь;
12. Кроме того, есть много снимков Финляндии, Малороссии и красивых мест природы».

Древние говорили: «Feci quod potui faciant meliora potentes» – «Я сделал всё, что смог, пусть те, кто сможет, сделают лучше».

Прошел век, и стало очевидным, что никто не смог запечатлеть ушедшую в небытие Россию лучше, чем великий русский фотограф Сергей Михайлович Прокудин-Горский. И пусть с запозданием, но вполне заслуженно он получил славу в своем Отечестве. Изданы работы биографического характера и подробные исследования его творческого метода.

Эта книга – ни то ни другое. В ней собраны свидетельства современников С. М. Прокудина-Горского – писателей, журналистов, мемуаристов, чтобы из их рассказов воссоздать облик страны и времени, исторический антураж, в котором рождались работы, получившие общее название «Российская империя в цвете».

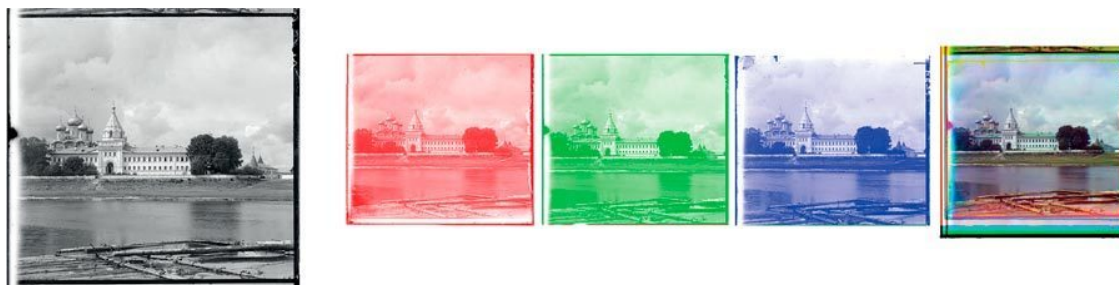

Река Вазинка и село Важино [Богоявленская церковь в деревне Усть-Боярской, Важины.] Олонецкая губерния. 1909 г.¹

¹ Все подписи в альбоме соответствуют авторским названиям. Там, где было необходимо, установлено более точное название.

Глава первая

Мариинская водная система и монастыри

Водяные врата и Архиерейские покои. Ипатьевский монастырь. Вход в монастырь со стороны реки Костромы. Кострома. 1911 г.

В семейной хронике Прокудиных-Горских упоминается, что после успешной демонстрации цветных видов императору Сергей Михайлович был еще раз приглашен в Царское Село:

«В частной беседе Николай II назвал фотографии, каких объектов он хотел бы иметь, прежде всего.

Первостепенным для него был ансамбль Мариинских каналов».

Летом 1909 года состоялась экспедиция, во время которой Прокудиным-Горским были сняты фотографии, вошедшие в альбом «Мариинская система». Рассказ Сергея Михайловича о том, что ему приходилось трудиться буквально на износ, сохранился в семейной хронике:

«Моя работа была очень увлекательна, с одной стороны, я получал лодки и etc..., которые мне сильно помогли.

С другой стороны, эта работа была очень тяжелой...

Выполняя фотографии различных мест с разных ракурсов, я должен был переносить свое оборудование с одного места на другое. <...> ...работать с раннего утра до позднего вечера. <...> Я работал поздно ночью, чтобы увидеть, хороши ли были клише; если они не были таковыми, я начинал работу с начала.

Если же я получал изображения подходящие, я клал их в альбом».

Несколькими годами ранее этим водным путем проследовал в Карелию русский географ и писатель Н. И. Березин. В книге о своем путешествии он писал:

«Канал, заложенный Петром и конченный Минихом, тянется на 104 версты от Шлиссельбурга до устья Волхова и называется именем Петра. За ним на 10 верст до устья Сязи тянется канал Сязьский или Екатерины II, оконченный в 1802 году, а далее, до устья Свири на 38 верст проходит канал Свирский или Александра I, законченный в 1810 году. Отсюда судоходство направляется по Свири до пристани Вознесенье, где начинается обходной Онежский канал, оканчивающийся при устье Вытегры. Верховье этой реки соединено с рекой Ковжей коротким Мариинским каналом. Вся система этих каналов была задумана Петром I, но проект его осуществился лишь в 1810 году. Говорят, что на проект этот наткнулись случайно в царствование Павла I, да запнулись за неимением средств, но императрица Мария Федоровна нашла возможным позаимствовать для этого дела 400 000 рублей из сумм Воспитательного Дома. Оттого-то вся система получила название „Мариинской“, но народ, который хорошо знал, на какие деньги строились каналы, прозвал ее „шпитальной“.

Вскоре оказалось, что каналы эти тесны для движения. Тогда, в 1861 году принялись прокладывать вдоль этих каналов, но ближе к берегу озера, вторую линию, сооружение кото-

рой закончилось лишь недавно, в 1883 году. Новые каналы получили названия: Александра II (104 версты), Марии Федоровны (10 верст) и Александра III (44 версты), но обыкновенно их называют по-старому: Ладожским, Сязьским и Свирским. Кто видал каналы за границей или хотя бы Сайменский канал в Финляндии, тот, не задумываясь, признает каналы нашей Мариинской системы жалкими сооружениями, да и надобность в них проявляется только потому, что закоснелые в своих привычках купцы и промышленники не хотят строить порядочных судов, которые могли бы ходить по Ладожскому и Онежскому озеру. Они предпочитают сплавлять грузы в дрянных барках, иные из которых строятся только на один раз и по прибытии в Петербург распиливаются на дешевые дрова».

Прокладка новых каналов коренным образом изменила жизнь местного населения. Для кого-то открылся неисчерпаемый источник доходов, другие оказались в прямом смысле слова на обочине жизни. Характерным примером служит судьба соседних городков: Новая Ладога и Старая Ладога. Первый получил значительный толчок к развитию, а его собрат окончательно угас. Побывавшая в Старой Ладоге сотрудница журнала «Исторический вестник» Н. М. Девель увидела такую картину:

«Небольшое грязное селение верстах в 12-ти от озера, прилепившееся между двумя монастырями на левом берегу Волхова и замечаемое лишь, когда к нему подъедешь, – вот что ныне представляет Ладога, когда-то составлявшая конечный пункт плавания варягов, известный торговый этап средневековой Ганзы и пограничную твердыню Новгорода. Но вместе с тем перед разочарованным взором нашим обрисовывается на берегу и другая картина: рядом с убогим селением гордо выдвигаются во всей своей величавой красе векового запустения остатки каменных развалин древней Рюриковой крепости (XII век). Пять многоэтажных башен с зияющими в них бойницами соединены остатками кое-где уцелевших стен и окружают приютившуюся среди них древнюю церковь св. Георгия и вместе с нею сразу переносят нас в далекие времена седой старины, в эпоху „Господина Великого Новгорода“.

С особым чувством вступаем мы на эти освященные древностью места, и даже самое убожество современной панорамы селения несколько смягчается под приливом новых впечатлений».

Близкое знакомство с крепостью, судя по описанию Н. М. Девель, вызывает не только благоговение перед памятником седой старины, но и опасение за его дальнейшее существование:

«Очертания городища вполне совпадают с контуром мыса, занятого постройкой, почему и сама крепость получила своеобразную форму растянутого треугольника или гигантского утюга, обращенного острым концом вниз по течению Волхова. Кругом этого мыса возведены пять башен, из коих три круглые и расположены по углам (Стрелочная, Раскатная и Климентовская), а остальные две, четырехугольные, находятся на середине боковых фасов (Тайничная и Воротная).

<...>

Искренно сочувствуя археологическому обществу, исследовавшему старую каменную твердыню, нельзя не выразить сожаления, что оно не позаботилось о ее починке, реставрации, не заботится об этом и теперь. Грустно смотреть, как при малейшем толчке от шагов посетителя отдельные валуны отцепляются от массивов стен и грузно падают к их подножью; также понемногу разрушаются и своды внутренних лестниц и проходов Раскатной, Климентовской башен. Оставленная на произвол судьбы, бывшая каменная твердыня через несколько десятилетий, пожалуй, совсем распадется, оставив по себе лишь смутную память в потомстве».

Никольская церковь в Лаврово. Санкт-Петербургская губерния. 1909 г.

Вид на реку Назия от канала императора Петра I. Деревня Нижняя Назия. Санкт-Петербургская губерния. 1909 г.

Вход из западной галереи в Троицкий собор в Ипатьевском монастыре. Кострома. 1910 г.

Грамота, пожалованная жителям села Коробово императором Николаем I. Костромская губерния. 1911 г.

Практически в одно время с Прокудиным-Горским в Старой Ладогe побывал краевед и литератор А. Г. Слѣзский. Узнав о приезде столь просвещенного гостя, настоятель Николаевского монастыря игумен Арсений поселил его в своем доме и рассказал много интересного о монастырской жизни. Среди прочего всплывают в разговоре и малоизвестные подробности:

«— Приютить странников не имеее обыкновения?

— Нет. Во-первых, средств мало, а, во-вторых, я смотрю на них по-нынешнему. Много ли их от нужды-то ходит, все больше по своей вине, по лености, праздности; поощрять тунеядство и грех, и бесполезно для самих странников.

„Ну, монах“, — подумал я и вопросительно смотрел на игумена, как бы желая сильнее запечатлеть его личность. Он продолжал:

— Помилуйте, надо своих накормить. Ведь у меня 20 монахов, да более 15 проживающих на испытании и по паспортам. Доход же один, как я говорил: одна петербургская часовня на Забалканском.

— А земля?

— Доход от земли? Вот сказали. Вы спросите, сколько у нас ее и какая она. Монастырских угодий 500 десятин. Пользуемся только 100 десятинами. Часть отдаем в аренду за 70 рублей, а 30 десятин обрабатываем сами, но обработка обходится недешево, потому что цены здесь на рабочие руки высоки.

– А лес есть?

– Как не быть, – улыбнулся настоятель, – лесу – до 200 десятин. В одной даче растет только кустарник, строевой вырубил под гребенку мой предместник Герман. В другой даче действительно есть дровяной лесок, но дача далеко, вывозка дороже стоимости материала, так и не возим своих дров, а покупаем на стороне. Это будет без хлопот и дешевле.

– А церковные доходы?

– Таких сборов у нас немного, к нам богомольцы почти не ходят. Благодетелей и жертвователей я сторонюсь.

– Почему же?

– Надо писать, ездить, просить, а это не в моих убеждениях. Многие монахи живут таким образом, и многие монастыри обстраиваются на чужой счет. По-моему, трудись сам, лично добывай. Тогда будет и сердцу легко, и на душе приятно.

„Совсем современный монах“, – снова мелькнуло у меня в голове.

– А как насчет скотоводства?

– По земле и скотинка: 20 коров, 8 лошадей.

– Другой живности никакой?

– Было, было, – замахал руками игумен. – До моего настоятельства по монастырю гуляли куры, гуси. От них столько накопилось неприятности, что неделю вывозили грязь.

– Несмотря на скудные средства, у вас все-таки ремонты.

Игумен быстро соскочил со стула. Мне представилось, что эта фраза его оскорбила, но вышло иное.

– Экономия, расчет, уменье концы сводить, – весьма убедительным тоном говорил игумен. – Я вам сейчас покажу сведения, что подавал недавно ревизору о состоянии монастыря. Он отошел к другому столу, порылся в бумагах и поднес мне лист, указывая пальцем на одно место и торжественно говоря: „береженная копеечка“.

Я прочитал: „Принято 28 тыс. С 1896 по 1902 год капитал увеличился на 40 тысяч, но из них израсходовано на благоустройство 30 тысяч“.

– Все в мою бытность, – пояснил игумен, потом взял бумагу и прижал ее к груди, спрашивая меня глазами: „Как вам это покажется?“

– Делает вам честь, – заключил я.

– Еще должен вам сказать, – снова начал игумен, садясь против меня, – по моим наблюдениям, ныне монастыри стали падать как-то нравственно. Монахи не ищут уединения и постной жизни, а только денег. Ведь в наш монастырь третьеклассный не пойдет монах из первоклассного штатного. Зачем ему? Там свободнее и бездельнее, а у нас стеснительно, работать заставляют, ну, и строгость некоторая есть».

Интересным оказался и рассказ настоятеля при поездке к храму Иоанна Предтечи на Малышевой горе:

«Выйдя из храма, игумен повел меня под гору со стороны Волхова.

– Видите? – указывал он мне на пещеры, идущие под храм. – Здесь бывший наместник Гермоген добывал песок и продавал на стеклянные заводы. Не соображал, чудака, что это может повредить зданию.

– Но ведь он извлекал средства на нужды.

– В том-то и дело, что не на нужды, – с сожалением возразил отец Арсений. – Он был из бессарабских дворян, любил лошадей, держал конский завод. Дела шли худо, а он не унывал и ничем не брезговал, лишь бы заполучить деньги для удовлетворения своей прихоти. Ну, что он тут наделал!

– Да, вещь непоправимая.

Мы снова стали подниматься на высоту. Настоятель все время вздыхал и порицал Гермогена за пещеры.

На горе игумен отвел меня от храма в сторону и сказал:

– Отсюда полюбуйте́сь.

– Хорош, – повторял я, – хорош.

Действительно, круглый, обширный, с пятью главами храм по наружному виду был привлекателен».

Побывал А. Г. Слёзский и в Успенском женском монастыре, получив неизгладимые впечатления:

«Когда я приехал в обитель и вошел внутрь ее, то представлялось, что это скорее небольшое богатое село, чем монастырь. Чистенькие домики в 3–5 окон, совершенно мирского характера, лепились по уклону до стены, за которой сейчас же и река. Отдельные садики, палисадники, цветники – все это приятно, но не по-монастырски, нет общего, казенного.

Две церкви. Одна, Успенская, с высокой колокольной обычного типа, оштукатуренная и выбеленная; другая же, Благовещенская, снаружи довольно странная. Если бы не маленькая глава с крестом, то всякий подумает, что это не храм, а обыкновенное домовое здание. На дворе для монастырских жителей я сделался просто мишенью. В меня стреляли глазами со всех сторон. Каждая сестра, проходя мимо, сокращала шаги, оглядывалась и смотрела на меня, как на заморское чудо. Но когда со мной заговорила монахиня, отрекомендовавшаяся письмоводительшей матушки, иные сестры брали на себя смелость останавливаться и разглядывать меня ближе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.